

УДК 94 (5)+94(510)

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич — к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Agombozh@gmail.com)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИИ ЦИН: ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВОЙ И ОСЕДЛОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья представляет собой историографический обзор трудов, посвященных истории взаимоотношений империи Цин и кочевых сообществ Центральной Азии. На примере внешней политики империи Цин в отношении соседних кочевых народов автор проанализировал теоретические взгляды в отечественной и зарубежной историографии на вопросы взаимодействия кочевого и оседло-земледельческого народов.

Ключевые слова: маньчжуры, империя Цин, кочевники, монголы, оседло-земледельческий, Центральная Азия

Проекты экономической интеграции евразийского пояса затрагивают интересы многих стран с различной культурой и историей. Наведение культурных мостов актуализирует не только историко-культурное наследие интегрируемых государств, но и исторический опыт взаимодействия народов.

Освоение обширных пространств степной зоны Евразии определило становление хозяйственно-культурного типа, основанного на особом виде производящей экономики — кочевом скотоводстве. Специализация хозяйственной деятельности обусловила высокую степень зависимости экономики кочевых обществ от земледельческих центров. «Номадизм практически неотделим не только от дополнительных видов хозяйственной активности, но и от такой социально-политической активности, одной из целей которой является преодоление хозяйственной однородности» [Хазанов 2008: 108-109]. Внешним проявлением этой зависимости стали различные формы взаимоотношений кочевников с оседло-земледельческими цивилизациями — от мирной приграничной торговли до набегов и завоевательных войн. Масштабный период истории, связанный с циклическим взаимодействием кочевников и земледельцев, служит благодатным материалом для теоретических обобщений и построения концептуальных моделей исторического процесса. Особое место в этом ряду занимает период империи Цин — одной из самых могущественных держав Восточной Азии Нового времени.

Теоретические модели, описывающие отношения кочевников с Китаем, условно можно разбить на две группы. В основе деления лежат взгляды ученых на степень автаркичности кочевого общества. Одни считают, что номадизм имел внутреннюю потенцию к саморазвитию общественных отношений, другие придерживаются мнения о сильном влиянии земледельческих центров на формирование социальной и политической структуры кочевого общества. В зависимости от этого раскрывается сущность перманентной борьбы степного мира и Китая, разрабатываются теории внешней зависимости кочевников. Становление маньчжурской династии Цин и ее территориальная экспансия в Центральную Азию продемонстрировали иной тип взаимоотношений кочевников и земледельческого Китая.

В отечественной историографии пограничной политике империи Цин в

отношении кочевников было уделено значительное внимание. Основы изучения внешней политики династии Цин были заложены плеядой русских востоковедов XIX в. А. Позднеевым, Д. Покотиловым, В. Горским, Н. Бичуриным, В.П. Васильевым. Известные авторские и коллективные работы советского периода рассматривали внешнеполитическую деятельность империи Цин как захватническую и агрессивную, истоки которой лежали в реакционной внутренней политике (С.Л. Тихвинский, Л.И. Думан, В.С. Мясников, Г.В. Мелихов и др.).

Непосредственно система отношений империи Цин и кочевников среди этих работ затрагивается в монографии И.С. Ермаченко. Исследуя трансформацию форм и методов маньчжурской дипломатии, автор раскрывает их эволюцию — от присущих кочевому обществу методов и приемов (приношение клятв в союзе и дружбе, разобщение и сталкивание монгольской знати) к сплаву их с формами китайской традиционной дипломатии (пожалование титулов, поощрения, предоставление дани и т.д.) [Ермаченко 1974].

Обобщением накопленных наработок в области истоков и формирования маньчжурской дипломатии стала публикация коллективной монографии «Внешняя политика государства Цин в XVII в.», ставшей значимым событием в отечественной историографии. В ней авторы исследования (Л.И. Думан, А.А. Бокщанин, И.С. Ермаченко, Г.В. Мелихов), опираясь на широкий корпус китайских источников, раскрыли конкретные формы, приемы и методы внешней политики династии Цин в отношении народов Монголии, Кореи, Вьетнама, России. Авторы характеризуют внешнюю политику династии Цин как «необычайно динамичную и агрессивную», идеологические основы которой были заимствованы из традиционных представлений о китаецентризме. Концепция априорного господства Сына Неба над всеми народами была положена в основу взаимоотношений с окружающими народами. Так, «маньчжурские ханы охотно взяли на свое вооружение эту концепцию, рассматривающую всех иноземцев, с которыми им приходилось вступать в дипломатические отношения, в качестве вассалов, хотя на самом деле часто они не были таковыми» [Внешняя политика... 1977: 52]. В монографии показана значительная гибкость внешнеполитического курса маньчжуров, конкретное содержание которого зависело как от положения внутри страны, так и от обстановки на границах. Несмотря на это, в основе всех методов и форм дипломатии лежала традиционная китайская политика «разделяй и властвуй» [Внешняя политика... 1977: 52]. Обязанность кочевников приносить дань становилась одним из инструментов внешней политики. «Маньчжурские правители придавали большое значение представлению дани в интересах поддержания своего престижа как сюзерена. <...> Иногда же данью пользовались в качестве орудия политической игры, стараясь показать “доброту” и “гуманность” цинского императора, который вопреки решениям чиновников снижал требования, установленные в отношении вассалов» [Внешняя политика... 1977: 54]. Из работ, вышедших в последнее время, можно назвать коллективный труд «Границы Китая: история формирования», в котором подробно прослеживается история взаимоотношений и административное управление монгольскими племенами [Границы Китая... 2001].

Особое место в исследованиях взаимоотношений кочевников и Китая в зарубежной историографии занимает проблематика приграничных исследований. Впервые важность исследований в этой области была показана в работе О. Латтимора «Внутренние границы Китая». Экологическая детерминированность кочевой экономики и ее глубокая зависимость от ресурсов земледельческих областей были перманентными факторами отношений Китая и кочевников. В этом ключе О. Латтимор рассматривает заключенный маньчжурами в ранний

период своего возвышения военно-политический союз с монголами как взаимовыгодный [Lattimore 1989].

Идеи О. Латтимора, Дж. Флетчера, В. Айронса нашли дальнейшее развитие в работах известного кочевниковеда Т. Барфилда. Ученый предложил рассматривать монгольскую степь, Северный Китай и Маньчжурию как единую историческую систему. Биполярная система взаимоотношений между народами степи и Китаем (кочевниками и земледельцами) дополнялась пограничным элементом. Усиление маньчжурского компонента и развитие маньчжурской государственности становилось возможным при одновременном упадке Китая и степи. Согласно модели Т. Барфилда, практически все иноземные династии Китая имели маньчжурское происхождение [Барфилд 2009]. Коренное отличие политики династии Цин от стратегий национальных и предшествующих маньчжурских династий заключалось во включении степи в китайское государство. В отличие от чжурчжэней империи Цзинь и династии Мин, приграничные стратегии которых были направлены на поддержание состояния разобщенности монгольских племен и недопущение единства среди них, маньчжуры сделали ставку на союз с монголами, сделав кочевую знать этих племен составной частью имперской структуры. «Маньчжуры видели гораздо больше возможностей для использования политической раздробленности степи. Первоначально они просто переманили монголов на свою сторону, платя им вместо Мин, однако после вторжения Лигдан-хана ввели в Южной Монголии систему знамен. Быстрое признание новой организационной формы было отчасти обусловлено тем, что в ней использовалась привычная племенная структура, в которой знамена и стрелы формировались в соответствии с традиционным племенным делением. Новая система победила и потому, что потоки материальной помощи из минского Китая привели к появлению многочисленных мелких орд, вожди которых закрепили свое привилегированное положение в системе знамен. Представители консервативной чингисидской аристократии сохранили за собой традиционные должности, а также получили новые титулы, жалования и территории с прикрепленными к ним кочевыми подданными» [Барфилд 2009: 236].

Данное мнение разделяет и Н.Н. Крадин, глубокий знаток кочевой культуры, который считает, что династия Цин разрушила привычную биполярную картину, сменив привычную модель противостояния кочевников и земледельцев [Крадин 2000].

Во многом в соответствии с оценками китайских источников правление маньчжурской династии длительное время в историографии характеризовалось как владычество иноземной династии, законсервировавшее развитие общественных отношений и нанесшее огромный урон китайскому и другим народам. Эта точка зрения была преобладающей и формировала теоретические позиции как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Новый этап в изучении цинского периода в истории Китая связан с вводом в научный оборот маньчжурских письменных памятников по истории и культуре. Признание важности и исторической ценности источников на маньчжурском языке и введение их в научный оборот, а также доступ к новым материалам в архивах Китая способствовали становлению новых, принципиально иных взглядов на значение периода династии Цин в истории Китая. Представителей нового направления условно объединяют в ассоциацию «Новая история династии Цин» (*New Qing History*) (М. Эллиот, П. Кроссли, П. Пердью и др.).

Опираясь на широкий круг источников на разных языках, Питер Пердью убедительно показывает, что завоевания империи Цин по своим последствиям имели огромное влияние на ход не только региональной, но и глобальной истории. По его мнению, близость маньчжурской культуры к степной позволила

династии Цин, в отличие от предшествующих династий, преодолеть исторически сложившиеся территориальные барьеры на северо-западной границе Китая. Как и киданьская (Ляо), и чжурчжэньская (Цзинь) династии, правители династии Цин объединили оседлое и кочевое общества в одно целое, создав при этом систему двойного управления. Прагматичный подход позволил династии Цин совместить несколько традиций: маньчжурскую знаменную систему, централизованную бюрократию, тибетский буддизм и монгольскую систему управления. По мнению Пердью, именно союз с монгольскими племенами обеспечил успешное продвижение маньчжуров за пределы Великой Китайской стены [Perdue 2005].

Сложившаяся историческая обстановка в Центральной Азии XVII в., а именно экспансия империи Цин и Джунгарского ханства, совпавшая с продвижением казаков в Сибири, привела к тому, что территория Халхи стала играть важную стратегическую роль. По мнению ряда авторов, в условиях многовекторной политики в Центральной Азии значительную роль в подчинении халха-монгольских ханств империи Цин сыграл буддийский фактор (М. Эллиот и др.). Процесс включения шел через институцию монгольской аристократии посредством использования культа Чингисхана и религиозных санкций. Ключевым элементом данной политики было продвижение буддизма школы Гелукапа, который трансформировал исторические представления, а также религиозные обряды и ритуалы монголов. Маньчжурские правители в этой картине выглядели как спасители единства монгольской нации в условиях феодальных междоусобных войн и межимперского взаимодействия [Elliot 2001].

Мультикультурный подход (Й. Флетчер, Ф. Вэйкман, П. Кроссли, П. Пердью и др.) в изучении истории империи Цин трансформировал традиционное понимание империи Цин как чисто китайского государства в рассмотрение ее как многонациональной империи. Это переосмысление позволило понять важность приграничья как особой движущей силы в истории империи Цин. В развитие данной проблематики можно отметить исследования системы вассалитета и знаменной военно-административной системы (Н. Ди Космо, С.Б. Намсараева, Э. Мөнх-Учрал и др.) как сложного механизма управления отдаленными территориями (Халха, Тибет, Джунгария). Исследователи данного периода указывают на достигнутые имперской администрацией успехи и прочные позиции на северо-западных границах. Господство империи Цин, по мнению ученых, базировалось не только и не столько на военном потенциале маньчжуров, сколько на новом восприятии приграничных регионов как важных форпостов и стратегических территорий, а не как предмета колониальных притязаний. Более гибкое отношение к подвластным территориям отразилось в отношении к элите покоренных народов, которая интегрировалась в имперскую административную систему. Цинская администрация направляла значительные средства в приграничные области, развивала транспортную сеть, поддерживала и расширяла торговые связи. В частности, можно привести мнение известного маньчжуроведа Т.А. Пан: «Анализ маньчжурских памятников, рассказывающих о знаменной элите, раскрывает степень участия монголов в становлении цинской государственности, более того, род Айсинь-Гиоро во многом пополнялся благодаря межнациональным бракам с монголами... Роль монгольской элиты и численность монгольских знамен была столь велика, что монгольский язык использовался как третий официальный язык империи. В течение XVII и XVIII вв. маньчжуры и монголы занимали основные руководящие должности в министерствах» [Пан 2006: 155].

С 1960-х гг. господствовавшая в китайской национальной историографии точка зрения о маньчжурском периоде как о времени тирании иноземной династии, не

принесшей китайскому народу прогресса, сменяется более взвешенной позицией. Территориальная экспансия и установленные границы империи Цин в современной историографии Китая признаны важным достижением маньчжурской династии. Изменяется подход к оценкам как маньчжурских правителей, так и монгольских князей.

Обращают на себя внимание исследования сотрудников корейской ассоциации монголоведения (*The Korean Association for Mongolian Studies*). С. Ким (*Kim Sung-Soo*), использовавший ряд монгольских рукописей, на примере взаимоотношений маньчжуров и монгольского племени Хорчин показал, что администрации Цин приходилось прилагать большие усилия для привлечения южномонгольских ханств на свою сторону, чем это представлено в официальной историографии династии Цин (*Qingshilu, Wanggongbiaozhuan, Fanglue*) [Kim 2013].

Исследование взаимоотношений кочевников и империи Цин, главным образом маньчжуро-монгольских взаимоотношений, получает свое развитие в мировом монголоведении на сопоставительных архивных материалах, в т.ч. на маньчжурском языке, позволяющих отойти от однобокости, выраженной в той или иной историографической традиции. В целом, историографический обзор отечественных и зарубежных работ показывает, что освещение вопросов внешней политики династии Цин в Центральной Азии претерпело ряд существенных изменений. На начальном этапе в трудах первых отечественных востоковедов изложение истории было дано без особой критики китайских источников. В большинстве своем они воспроизводили официальную историю, данную китайскими хронистами. Расширение источниковой базы, сопоставление данных с монгольскими, маньчжурскими, тибетскими текстами, смена парадигм исследований показали всю сложность политики династии Цин во Внутренней Азии.

Преодоление тенденциозности китайских источников, признание равноценности исторических источников на маньчжурском языке и теоретические достижения политической антропологии в области изучения природы кочевых сообществ позволили выявить особенности модели взаимодействия кочевых сообществ и империи Цин. Этим отношениям была свойственна интеграция кочевой элиты в структуру имперского управления. Империя Цин сумела выработать государственную идеологию, в которой сочетались представления о власти в древнекитайских и центральноазиатских мировоззрениях. Работы, подробно рассматривающие формы и методы инкорпорации монгольских племен в знаменную систему, переселенческую политику цинских императоров, институты управления вассальными территориями, раскрывают более сложную картину значения империи Цин для исторических судеб народов Центральной Азии.

Безусловно, осмысление исторического опыта межкультурного взаимодействия на внутриазиатском пространстве послужит основой для выстраивания прочных отношений и достижения должного уровня взаимопонимания в диалоге народов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

- Барфилд Т. 2009. *Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.)*. СПб: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История. 248 с.
- Внешняя политика государства Цин в XVII в.* (отв. ред. Л.И. Думан). 1977. М.: Наука. 383 с.

Границы Китая: история формирования (под ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова, А.А. Бокщанина). 2001. М.: Памятники исторической мысли. 470 с.

Ермаченко И.С. 1974. *Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.* М.: Наука. 161 с.

Крадин Н.Н. 2000. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. — *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос. С. 314–336.

Пан Т.А. 2006. *Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.* — СПб: Петербургское Востоковедение. 228 с.

Хазанов А.М. 2008. *Кочевники и внешний мир*. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 512 с.

Elliot M.C. 2001. *The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford University Press. 580 p.

Kim S. 2013. Manchu-Mongolian Relationship during the Early 17th Century. — *Chungguksa youngu; The Journal of Chinese Historical Researches*. Vol. 82. P. 61–91.

Lattimore O. 1989. *Inner Asian Frontiers of China*. London: Oxford University Press. 616 p.

Perdue P.C. 2005. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 725 p.

GOMBOZHAIPOV Aleksandr Dmitrievich, Cand.Sci.(Hist.), Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Agombozh@gmail.com)

FRONTIER POLICY OF THE QING EMPIRE: PECULIARITIES OF THE MODEL OF NOMADIC AND SETTLED STATESMANSHIP

Abstract. The article represents a historical review of the works devoted to the history of relationships between the Qing Empire and nomadic communities of Central Asia. The study of frontier policy of the Qing Empire shows principal differences from the traditional model of relationships with nomads of previous dynasties. Overcoming the tendentiousness of Chinese sources, recognition of equivalence of historical sources in the Manchurian language, as well as theoretical achievements in political anthropology in the sphere of nomadic communities' nature allow revealing essential peculiarities of the model of relationships of the Qing Empire and nomadic communities. These relationships were characterized by integration of nomadic elite into the structure of the imperial government. The Qing Empire was able to work out a state ideology in which archaic Chinese and Central Asian ideas about supreme power were combined.

Keywords: Manchus, Qing Empire, nomads, Mongols, settlers, Central Asia